

В. Андрейчук

Россия и русские XX века в прозе Т. Боровского

Образы России и русских занимают значимое место в польской литературе, в разные временные периоды находя различное воплощение. Как писал В. А. Хорев, «Россия всегда была для Польши полем магнитного притяжения и отталкивания» [2, с. 7]; в польской прозе эта тенденция реализовалась посредством формирования и развития двух полярных стереотипных образов русского человека, россиянина, укоренившихся в польской культуре еще со времен романтизма и воспроизводящихся вплоть до наших дней. Первый образ — грубый и бесцеремонный русский, ненавидящий поляков, относящийся к польской государственности, культуре и истории с позиции колонизатора, свысока и потребительски. Второй образ — жертва тирании системы, свободолюбивый славянин, остро ощущающий свое единение с польским народом.

Проводником обоих этих стереотипов стала в первую очередь литература. Анализ системы «русских образов» всегда представляет для исследователей большой интерес, дает возможность получить дополнительный «ключ» не только к творчеству и мировоззренческой концепции автора, но и к тому социально-историческому контексту, с которым он, как дитя своего времени, неразрывно связан.

Одним из выдающихся представителей польской литературы XX века в целом и польской концлагерной прозы в частности (во второй области некоторые исследователи даже склонны признавать его неоспоримое первенство) признан Тадеуш Боровский (1922—1951). Особое отношение к нему как читателей, так и литературоведов объясняется рядом факторов: отображение концлагерной действительности, лишенное пафоса и героизации пребывания в лагере; отрицание детерминирующего влияния национального, классового или религиозного факторов при формировании поведения заключенного; концентрация на образе типичного лагерника; акцентировка проблематики коллективной ответственности заключенных за функционирование лагерей; уход от представления лагеря через призму отношений «жертва-палач» и многое другое. Однако именно из-за того исключительного места, которое Боровский занимает в концлагерной литературе, вниманием исследователей оказались обделены многие другие аспекты его писательской деятельности.

Это касается как жанрового разнообразия (Боровский-поэт, публицист, памфлетист, критик), так и тематического.

Мы уже упоминали: для Боровского национальность не была фактором, определяющим моральный облик человека (что нашло отражение в его концлагерной прозе). Однако это не значит, что в его творчестве категория национальности не существует в принципе. Безусловно, наиболее крупные национальные группы в его произведениях — поляки, немцы и евреи. Боровский далек от стереотипизации представителей любых народов, но тем интереснее проследить, как он их изображает. Что касается русских и в более широком контексте образа России в его творчестве, то с учетом как устоявшихся в польской литературе стереотипных представлений и исторической обстановки, так и истории семьи Боровских они представляются особенно любопытным. Целесообразно при этом ограничить круг исследуемой литературы поэзией Боровского и его прозой, написанной до декабря 1948 года, то есть до момента издания новеллы «Забава с водкой», которую принято условно считать границей между «старым» и «новым» Боровским.

Исходя из названных предпосылок и учитывая осознанный, даже демонстративный отказ писателя от транслирования стереотипов, мы сочли, что анализ «русских образов» в прозе Боровского перспективен и важен для рассмотрения всего его творческого пути, неотделимого от биографии писателя.

Необходимо в первую очередь определить степень непосредственного контакта Тадеуша Боровского с новой советской Россией. Писатель родился на Украине, в городе Житомире, по условиям Рижского договора 1921 года вошедшем в состав Украинской ССР. В 1926 году семья Боровских столкнулась с репрессиями: отец был арестован и выслан в Карелию, на стройку Беломорканала за давнюю принадлежность к Польской военной организации. В 1930 году, немногим позднее начала коллективизации 1927 года и пришедшего вместе с ней голода, в Сибирь сослали мать, Теофилию Боровскую. Тадеуш — младший в семье — был отдан на попечение тетке, живущей в городе Мархлевске, соответственно, сменил житомирскую польскую школу на советскую. Два года спустя отец получил свободу в обмен на освобождение содержащихся в польском плену русских коммунистов, и Тадеуш вместе с братом смог выехать по бумагам Красного Креста в Польшу; путь их лежал через Москву. Никаких следов в творчестве Боровского о том, наверняка кратковременном, пребывании в столице не осталось. В контексте темы можно отметить и велосипедное путешествие, которое будущий писатель предпринял в сентябре — начале октября 1939 года по маршруту Варшава — Седльце — Брест — Луцк (то есть через территорию, уже оккупированную Германией, и на территорию УССР). На этом контакт Боровского со сферой влияния советской России завершился вплоть до послевоенного периода.

Как видим, контакт был хоть и драматичным, но недолгим. Тот факт, что он пришелся на детские годы писателя (с 4 до 10 лет), не помешал данному периоду отложиться в сознании мальчика, чему способствовали его природная впечатлительность и сообразительность.

Военный этап биографии писателя довольно типичен для того времени и включает в себя такие характерные вехи как подпольные школа и университет, незаконная торговля, участие в конспиративной деятельности и — как мрачный знак времени — Освенцим. Однако есть один характерный момент. Дружеский союз Боровского с дебютантами журнала «Искусство и народ» («Sztuka i Naro□d»), входящими в состав Конфедерации наций (Гайцы, Боярский, Тшебинский), со временем превратился, как пишет Древновский, в «соперничество, неприязнь, ненависть». Произошло это на фоне решительного отторжения Боровским некоторых идей «конфедератов», например идеи имперской Польши. В их концепции «всепожирающего государства, теории национального искусства» Боровский видел опасность. Возможно, на формирование такой позиции и повлияло, пусть косвенно, раннее знакомство с тоталитарной системой.

Любопытно, что в долагерной поэзии Боровского упоминания о России не встречаются вообще. И это в то время, когда Советский Союз рассматривался многими как враг, равноценный нацистской Германии. Вряд ли подобное объясняется тем, что ожесточенная борьба русского народа с фашистами, скорее всего, молодого поэта как тема для творчества не интересовала. Однако при знакомстве со всеми произведениями отмеченного периода можно заметить интересное стихотворение, условно называемое «Памятник». Дата его написания неизвестна, но в наиболее полном и прекрасно прокомментированном четырехтомнике сочинений Т. Боровского издания 2003 года оно отнесено к написанным в 1942 году. Первая строфа звучит следующим образом:

Uliczny mrok. Latarnie. Cisza.	Уличная тьма. Фонари. Тишина.
Plac. Kilka ulic. On we mgle.	Площадь. Несколько улиц. Он во мраке.
Kamienny koń pod jeźdźcem dysze	Каменный конь дышит под всадником
I z dłoni jego cugle rwie [2].	И рвет поводья из его рук.

(Подстрочный перевод мой. — В. А.)

К сожалению, история его написания неизвестна. Однако ни по размеру, ни по ритмике, ни по стилю и духу оно не похоже на другие произведения того периода. В то же время трудно пройти мимо общих аспектов этого стихотворения с известными строками Александра Блока: «Ночь. Улица. Фонарь. Аптека...» К моменту их написания А. Блок уже, безусловно, был известен в Польше, в том числе в переводах Ежи Либерта. Присутствуют в «Памятнике» и некоторые отсылки к поэме А. Пушкина «Медный всадник». Мысль о том, что стихотворение начинающего поэта было в данном случае

инспирировано именно творчеством наших великих соотечественников, весьма притягательна. Конечно, это всего лишь гипотеза, подтверждения которой не найти уже никогда, как, впрочем, и опровержения.

Прямые же образы России появляются в творчестве Боровского только в послевоенный период. Яркий пример — написанное в Дахау-Аллах стихотворение «Две Родины» («Dwie Ojczyzny»):

Tobie Ojczyzną — Triumfalny łuk, Defiladowa muzyczka zwycięska, <i>A mnie Ojczyznę — parszywy grób W lasku pod Smoleńskiem.</i>	Твоя Родина — Триумфальная арка, победная музыка на параде, <i>моя Родина — нищая могила в леске под Смоленском.</i>
---	--

Tobie Ojczyznę — spokojny kąt I kark, który posłusznie się gnie, <i>A mnie Ojczyznę — spalony dom I rejestracja w NKWD [2].</i>	Твоя Родина — спокойный угол и послушно гнущаяся шея, <i>Моя Родина — сожженный дом И регистрация в НКВД.</i>
---	---

(Выделено мной. — В. А.)

Второй не менее интересный пример — стихотворение «Эй, культура» («Ej, kultura») того же периода:

Ej, kultura, ty polska kultura, ej, pojedziesz ty kiedy za Urął, ej, zabolą, zabolą cię oczy od bezmiaru ziemi dalwostocznej.	Эх, ты, культура, польская культура, эх, поедешь ты еще за Урал, эх, заболят, заболят твои глаза от бескрайних дальневосточных земель.
--	---

Ej, zapasiesz się wreszcie ty żarciem gdzieś za kręgiem polarnym w Igarcie, Ej, a z bólu ty zwiniiesz się zwiniiesz, ej, dziecino ty, pierzyno, łacino.	Эх, запасешься ты наконец жратвой где-нибудь за полярным кругом в Игарке, Эх и скорчишься же ты, скорчишься от боли, эх, дитина ты, перина, латина.
--	--

Ej, kulturo jak psa cię nauczą do swej ziemi i skomleć i skuczeć, do swej ziemi dla ciebie martwej, ej, kulturo ty regimentarska.	Эх, культура, как пса тебя научат скучать и скулить по своей земле, по земле своей, для тебя мертвой, эх, ты, культура regimentарская [2].
--	---

Встречающиеся в обоих текстах топонимы Урал, Дальневосточный край, Игарка, Смоленск в рамках польской культуры имеют свое устойчивое место: это топонимы — символы национальной драмы первой половины XX века, символы репрессий, ссылок и расстрелов. Кроме того, мы находим здесь отражение детских переживаний писателя, мать которого была в ссылке именно в районе Игарки. Определение «бескрайняя дальневосточная земля», упоминание о Заполярье усиливают впечатление — в этом географическом срезе Россия предстает огромным холодным зауральским пространством, сыгравшим трагическую роль в истории польского народа. «Две Родины» добавляют к безрадостному пейзажу еще

два элемента — упомянутый уже Смоленск как символ польской национальной трагедии и НКВД. С учетом параллелизма, на котором построено стихотворение (упоминание о газовой камере Освенцима), вырисовывается образ государства, где господствует режим, аналогичный нацистскому. Однако на этом явные отсылки к национальной трагедии и личным переживаниям заканчиваются; как видим, они малочисленны и не служат созданию обобщенного негативного образа.

Любопытна роль, которую Боровский отводит в таком трагическом столкновении польской культуре, то есть пострадавшей стороне. Ключ к пониманию данной роли дает обращение «ej, dziecino ty, pierzuno, łacino» — прозвища, данные казаками трем региментариям войск Речи Посполитой за леность («pierzyna»), юный возраст («dziecina») и недостаточную компетентность в военном деле при высокой, но совершенно бесполезной в сложной военной обстановке учености («łacina»). Характеризуя подобным же образом польскую культуру, Боровский обвиняет ее в нежизнеспособности, нестойкости, слабости, отрыве от действительности и истинных нужд собственного народа.

Возвращаясь к географии России, отметим, что огромные пространства остаются ее основной характеристикой везде, где появляется русский мотив. Заключенный Толечка из рассказа «У нас в Аушвице», умирая, передает санитару адрес своей матери: Дальневосточный край, город Хабаровск. В рассказе «Об одном солдате» мотив пространства реализуется за счет существенного расширения топонимического ряда: «Но были и тысячи людей, которые во время большой эвакуации населения земель, занятых русскими, оказались в самой глубине этого огромного государства, на Печоре и Колыме, в киевских колхозах и степях Казахстана, на Волге и Амударье» [4, s. 47]. Там же, говоря о поражении немцев под Москвой и последовавшем за ним наступлении Красной армии, Боровский пишет: «...шли... мостя дороги трупами врагов и телами погибших товарищей, парней из-за Урала, из-за Кавказа, из Москвы и из Архангельска, европейцев и азиатов» [4, s. 51].

Категории пространства сопутствует массовый образ людей, населяющих эти огромные территории, людей разных внешне, из различных городов огромной страны, поднявшихся в едином порыве, обладающих определенным набором общих свойств. Вот каким, например, рисует Боровский массовый образ русских в рассказе «Январское наступление». Персонал городской больницы и жители города наблюдают за тем, как грязные, заросшие и промокшие до нитки солдаты «не спеша, но и не замедляя шага, задумчиво» [3, s. 386] бредут на запад, а после кратких расправ над прячущимися немцами продолжают свой неспешный путь. Там же мы встречаем описание наступления Советской армии: при прорыве немецкого фронта ее задача — «одним волчьим прыжком» добраться до

Одера. Танковые части форсируют речку «неожиданно», вместе с пехотой ударяют на пригороды «без артиллерийского прикрытия» [3, s. 385]. Здесь Советская армия как воплощение образа русского народа предстает в двух ипостасях. Эта масса по-славянски нетороплива, ее отличает спокойствие, сходное с сонливостью, она целеустремленна, но вместе с тем для нее характерна буйность, непредсказуемость и азарт.

Большой интерес представляет ряд отдельно прописанных персонажей-русских. Их немного, но все они складываются в некий сверхобраз русского человека в видении Боровского. Первый из этого ряда — уже однажды упомянутый заключенный Толечка («У нас в Аушвице»), обративший на себя внимание санитаря неожиданной для обстановки лагерного лазарета вежливостью. Понимая, что жить ему осталось недолго, Толечка напутствует товарища-санитаря: «Это ничего, что я попаду в газовую камеру. Видимо, так надо... После войны не будет государств, границ, лагерей, и люди не будут друг друга убивать. Ведь это последний бой. Последний, понимаешь?» [1]. Его покорность судьбе приводит на память «теорию непротивления злу» Толстого (характерно, что продиктованная санитару героем улица, на которой живет его мать, также носит имя Л. Н. Толстого) и удивительным образом сочетается с верностью идее и верой в будущее.

В рассказе «Добро пожаловать в газовую камеру», кульминационным моментом которого является разгрузка прибывших вагонов с евреями, в поле нашего зрения ненадолго попадает еще один русский персонаж — севастопольский моряк Андрей. Севастополь — город русской воинской славы, как и имя героя, отсылающее нас к символике российского военного флота (Андреевский флаг, святой Андрей), выбраны в данном контексте не случайно; поведение героя рушит все стереотипы, могущие возникнуть в связи с подобной номинацией. Андрей «швыряет с размаху» пытающуюся убежать от своего маленького ребенка и спастись от удушения газом еврейку на платформу машины, «как куль с зерном», и туда же, ей под ноги, бросает ребенка, сопровождая все эти действия нецензурной лексикой, приведенной Боровским на русском языке [1]. Описание героя под стать его поведению. Глаза «мутны от водки и жары», лицо «искривлено яростью», у него не рука, а «лапа» [1]. Такая экспрессия редко свойственна героям концлагерных рассказов Боровского, и могло бы показаться, что мы наконец-то встретились с негативным стереотипом русского как буйного гунна, с такими характерными его атрибутами, как ненормативная лексика и водка. Однако поведение Андрея необходимо рассматривать в более широком контексте «концлагерной этики», определяющей существование заключенных в «концлагерной действительности» рассказов Боровского. Причина жестокого поведения моряка — не желание быстрее покончить с работой или «все нарастающее раздражение и

усталость», которые «легче всего выместить на слабом» [1]. Наказывая мать, отрекающуюся от своего ребенка ради собственного спасения, моряк поступает так в рамках долагерного закона, то есть в рамках той морали, для которой связь матери и ребенка возведена в ранг ценности несоизмеримо высшей, чем инстинкт самосохранения — краеугольный камень морали лагерной. Андрей представляет собой силу дикую, грубую, но в меньшей степени подверженную негативным моральным деформациям в концлагерной действительности (не в последнюю очередь, как мы можем предположить, благодаря своей безыскусности и стихийности).

Действие рассказа «Об одном солдате» происходит практически полностью в России: это история польского паренька, попавшего после сентября 1939 года в советский колхоз. Первое, с чем мы встречаемся, — описание масштабов и технической базы колхоза. «Никогда я не видел таких огромных полей, засаженных капустой, кукурузой, фасолью, помидорами... никогда не видел я столько сельскохозяйственных машин... не знаю, как это выглядело в других местах, но в нашем колхозе царил полный порядок, а работа была хорошо организована» [4, s. 48]. Три центральных русских образа рассказа — председатель колхоза и его дочери, приютившие молодого поляка. Их отношение к чужестранцу описано в исключительно положительном ключе. Хозяин «был преклонного возраста, но держался крепко», «всегда мне улыбался», «делился со мной всем, что имел сам, как если бы я был его сыном» [4, s. 48—49]. Дочери брали поляка «с собой в поле, показывали машины и животных, учили русскому языку» [4, s. 49]. Ключевым моментом повествования и одновременно центральным конфликтом этих несколько пасторальных отношений становится спор детей о советской России и Польше. Обе девушки, характеристики которых прямо указывают на их социальную позицию и отношение к жизни (одна хочет стать врачом, вторая — младший редактор настенной газеты и пламенная, убежденная пионерка), ведут диалог в агитационном духе, пропагандируют. Поляк неумело защищается, и когда диалог доходит до взаимных обвинений, основанных на национальном вопросе, в спор вступает, обращаясь к дочерям, старый председатель, в чьи уста Боровский вкладывает один из девизов своего творчества и жизни: «Нет русских, нет поляков, нет евреев. Есть только люди. И война эта — война против людей... Не ссорьтесь. Учитесь. Тогда вы поймете, зачем люди мучаются, за что работают и погибают на фронтах. Учитесь сами и учите его» [4, s. 50].

Русский человек в данном тексте — добр и отзывчив, с пиететом относится к кормящей его земле (вопреки тому, что не является ее собственником), тяготеет к развитию и образованию. Эта картинка в определенной степени отражает ту социальную позицию, которую принял к тому времени Боровский, решив искать пути выхода из кризиса в коммунизме.

Но здесь отсутствуют отсылки к государству, власти и идеологии. Залогом спасения выступают не они, а люди, подобные старому председателю.

Без сомнения, самый яркий образ русского человека в прозе Боровского мы встречаем в рассказе «Январское наступление». Это пришедшая в город вместе с волной наступления молодая женщина — рядовой боец или, возможно, партизанка; ее задерживают в городе родовые схватки. Уже через день после родов, произведя на свет здорового ребенка, который «кричал так, что слышно было по всей больнице» [3, s. 387], девушка продолжает свой путь. «Ребенка она примостила по-цыгански, на спине. Попрошались с доктором и сестрами, взяла в руку автомат и мешок и спустилась по лестнице на улицу. На улице русская остановила первого попавшегося прохожего и коротко спросила его: «Куда на Берлин?» [3, s. 387]. Образ неприхотливой, лишенной тяги к удобствам, несколько мужеподобной (ее шаг — «широкий и уверенный»), волевой и неудержимой натуры приводит на память изображения советской женщины на плакатах времен Великой Отечественной войны и в советской скульптуре. Главное в ней — цель, ради достижения которой она может отодвинуть на второй план женское и материнское начало, роль хранительницы очага, но не отрекается от них, следуя зову и природного, и человеческого долга.

Мы видим, что Боровский четко разделяет государство и страну, властные структуры и народ. Образ же русского человека в его прозе далек от обоих названных в начале статьи стереотипов и не рассматривается писателем ни в категории дружбы, ни в категории вражды. В русском человеке, по Боровскому, сочетаются мягкость, доброта, легендарное русское смирение и яростная душа, сила воли, стремление к борьбе. Причем особое значение для писателя имеет активное и бескомпромиссное противление злу, в том числе ценой самоотречения там, где это необходимо для достижения сверхцели. Вероятно, именно в подобной позиции писатель видел возможность переустройства цивилизационного порядка, допустившего трагедию нацизма и концлагерей, путь выхода из антропологического кризиса, некое «лекарство», которое должно быть тем более «горьким», чем более жестокой оказалась перенесенная человечеством «болезнь», коснувшаяся и Тадеуша Боровского.

Список литературы

1. *Боровский Т.* Прощание с Марией URL: http://www.belousenko.com/books/foreign/borowski_maria.htm (дата обращения: 14.04.2012).
2. *Хорев В. А.* Восприятие России и русской литературы польскими писателями. М., 2012.
3. *Borowski T.* Poezja // Pisma : w 4 t. Kraków, 2005. Т. 1.
4. *Borowski T.* Ofensywa styczniowa // Ibid. Т. 2.
5. *Borowski T.* Pewien żołnierz // Ibid. Т. 3.